

И.Н. Золотухин

Процесс российской региональной самоидентификации и проблема региональной идентичности российского Дальнего Востока в рамках участия России в азиатско-тихоокеанской экономической интеграции

**Process of the Russian regional self-identification and problem of regional
identity of Russian Far East within the framework of participation of Russia
in Asian - Pacific economic integration**

В статье рассмотрено влияние культурных, политических и социально-экономических факторов на современное развитие региональной самоидентичности. Отмечается амбивалентный характер региональной идентификации с точки зрения эффективности регионального экономического развития. Возможно использование особенностей региональной самоорганизации в качестве инструмента политического управления. Процессы самоидентификации ДВ РФ представлены в рамках стратегического анализа участия России в интеграционных процессах в АТР. С точки зрения автора, ДВ РФ обладает перспективами развития устойчивых конкурентных преимуществ в условиях региональной экономической интеграции.

The cultural, political, social and economic factors that influence on the modern development of the regional self-identity are reviewed. Author considers that regional identification can be both positive and negative from the point of view of efficiency of regional economical development. The peculiarities of regional self-organizing are possible to be used as the tool of political management. The processes of the self-identification of the Russian Far East are represented in the system of the strategic analysis of the participation of the Russia in the APR integration. In opinion of the author, Russian Far East has prospects for developing the steady competitive advantages in the conditions of regional economic integration.

Сама по себе концепция региональной идентичности, безусловно, имеет междисциплинарный характер, ее фундамент составляют такие науки, как региональная экономика, социология и социальная география (в ее рамках в 1970-е годы в СССР зародилась, а в 1990-е годы в России оформилась концепция социально-территориальной общности (СТО), актуальная и по сей день). Среди отечественных работ одно из немногих исследований «территориальной идентичности» принадлежит Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанову¹.

Однако вопрос о побудительных мотивах формирования социально – территориальной общности в отечественной науке не

¹ Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс. 1998. № 4. С. 94 – 101.

был комплексно рассмотрен. В связи с этим сегодня мы используем как отечественную методологию, так и труды западных школ. Основатели теории социальной идентичности рассматривают её как уровень самокатегоризации (Л. Шнейдер, Дж. Тернер). Представители интеракционистской школы (Дж. Мид, И. Гофман) и школы социальных представлений (С. Московичи, М. Завалони) рассматривают социальную идентичность как один из уровней Я-отнесенности (самокатегоризации, «Я-концепции»). Указанные авторы не рассматривали региональный аспект проблемы, однако возможность отнесения этих положений к региону вполне допустима. Тем самым региональная идентичность выступает в форме своеобразной самопрезентации, в рамках которой один человек или общность людей, в том числе и территориальная, оценивают свое положение по отношению к внешнему миру.

Что касается географов, то они подошли к изучению проблем идентичности, отталкиваясь от изучения географической среды. Географы, конечно же, не видели в характеристиках территории единственную причину конкретного формирования какой-либо культуры, скорее, те или иные особенности географической среды рассматривались как фактор территориальной дифференциации культуры. Теории географической среды и ее многочисленные ответвления сыграли, безусловно, положительную роль в формировании теоретических представлений о региональной идентичности. Представляет интерес и концепция историко-географических образов. Подробно этот вопрос рассматривался в работах Гастона Башляра¹, Мануэля Кастельса²; в отечественной науке следует выделить труды Д.С. Лихачева и Ю.М. Лотмана³. В России сложилась объективная географическая основа для развития региональной идентичности. Точнее, нужно говорить о трех основах – этноконфессиональной, лингвистической и политико-исторической дифференциации российской территории. Рассматривая вопрос о региональной идентичности, следует учитывать то, что идентичность как процесс социальной идентификации, во-первых, может генерироваться самой общностью (внутренняя идентичность). Во-вторых, можно поставить вопрос о вспомогательной идентичности, базирующейся на наличии двух «эталонных культур» или одной эталонной и одной вспомогательной. В-третьих, территориальная идентичность может быть приписываема общности извне. Все варианты идентификации находятся во взаимосвязи и подвержены динамическому взаимовлиянию.

Главная проблема региональной идентичности в России в современном виде – ее привязка. Здесь возможны три варианта:

1. Привязка к субэтническим (лингвистическим) группам. Культурно-провинциальная идентификация актуальна для от-

¹ Bachelard G. La politique de l'espace. Paris, 1957.

² Castells M. The Power of Identity. Economy, Society and Culture. Blackwell. Oxford, 1997.

³ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы // Избранные произведения. М., 1987. Т.3. С. 644. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. Тарту. 1965. № 2. С. 210 – 216.

четливо выделяющихся групп, сохранивших свою самость (казаки, семейские, отчасти поморы), но пока не актуальна для северных и южных великороссов, а тем более для жителей среднерусской полосы (в силу размытости и больших размеров ареалов, утраты традиций). В целом ее значимость остается небольшой.

2. Привязка к крупным географическим ареалам – физико-географическая идентификация. В географии говорят об «обыденных районах» (англ. «vernacular regions»). Это территории, которые их жители определяют сами для себя как место своего проживания, для которых существует общепринятое название. Чаще они привязываются к физико-географическим объектам или сторонам света. В российском случае речь идет о больших сообществах с обычно нечеткими границами, таких, как Север, Поволжье, Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Региональная самоидентификация более характерна для периферийных территорий, которые ощущают себя особой частью России. Самый яркий пример – Сибирь, можно также говорить об уральской, дальневосточной идентификации. В Европейской части России этот тип идентификации выражен слабо, особенно в центральных районах.

3. Привязка к административным единицам. В России именно этот тип идентификации становится основным, несмотря на его кажущуюся «искусственность» и «официальность». Дело в том, что в отсутствие четких культурных границ между русскими ареалами политико-историческая или политико-административная идентификация становится естественным заменителем культурно-провинциальной¹.

Самое главное заключается в том, что региональная идентификация – процесс управляемый. Интересы стратегического управления территориальным развитием в России неизбежно требуют учета всех, даже малозначимых, факторов. На современном этапе развития используются наиболее значимые и «масштабные» макроэкономические методы. Однако в перспективе, в условиях глобализирующегося мира, региональная идентичность становится фактором, серьезно корректирующим процессы мирового развития. Региональная идентичность как явление общественной жизни и предмет исследования имеет достаточно сложную природу. Вероятно, разворачивающаяся унификация экономического пространства (глобализация) сопровождается дифференциацией политического пространства (регионализация).

Новая региональная самоидентификация России скорее не явление, а процесс, который растянется на долгое время. В рамках этого процесса стоит отдельно рассмотреть пример региональной идентичности – Дальний Восток России.

Освоение Россией Сибири и Дальнего Востока носило сугубо колониальный характер. Речь шла не столько о распаивании и включении в хозяйственный оборот новых свободных земель,

¹ Ростислав Туровский Региональная идентичность в современной России // Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/rupubsbooksvolume56404.htm>. [Дата обращения 5.02.2006 г.]

сколько об эксплуатации природных ресурсов.

Во всех случаях восточные земли не рассматривались охотниками и поселенцами как настоящий или будущий дом. Они шли за добычей, которой могли быть соболиные шкуры, золотой песок или командировочные с «северным» или «восточным» коэффициентом, и предполагали вернуться с этой добычей домой. Они могли жить во Владивостоке, в Якутске или Южно-Сахалинске десятилетиями и даже поколениями, но оставались пришельцами, захватчиками, колонизаторами¹.

Ситуация несколько изменилась в последние годы – в связи с демонстрируемым Москвой безразличием к судьбе восточных и северных земель. Дальний Восток перестал быть колонией, поскольку перестал быть нужным Москве.

Это, прежде всего, отразилось на характере регионального самосознания дальневосточников, развитие которого начинается в 1970-80-х годах. В этот период происходили следующие явления:

1. Снижалась территориальная мобильность. Закончился период «великихстроек» и массовых, в том числе насильственных, миграций. Население обосновывалось на территории, «пускало корни».

2. Стабилизировалось административно-территориальное деление, повышалась устойчивость административных границ, росла степень замкнутости краев и областей (по многим наблюдениям, уже в советские времена дорожная сеть и транспортное сообщение часто обрывались на границах областей).

3. Формировалась региональная элита, которая «вращалась в почву». В 1960-70-е годы возник феномен «хозяина региона», который правил областью на протяжении 10-20 лет и, как правило, происходил из того региона, которым управлял. Вокруг этих лидеров формировалась устойчивая элита. Развивалось местничество, и в регионах, особенно крупных, появились особые, осознанные и артикулированные интересы.

В 1990-е годы процесс формирования региональной идентичности вышел на новый уровень. Это объясняется суверенизацией национальных автономий, стимулировавшей аналогичный процесс в русских регионах, в целом – федерализацией страны; усилением влияния и повышением самостоятельности региональных элит; процессами национального возрождения в провинции; ростом экономической самостоятельности регионов и экономических противоречий с Центром.

Наконец, особо следует выделить новейшие процессы начала XXI века. Именно в последние несколько лет региональная идентичность стала значимым фактом общественной жизни ДВ региона, параллельно с обострением вопроса об отношениях Центр-Регион в комплексе с «дилеммой безопасности»².

¹ С. Переслегин. Самоучитель игры на шахматной доске. – М.: АСТ, 2005. – С. 428 – 429.

² Snyder J., Jervis R. Civil War and the Security Dilemma. // Civil Wars, Insecurity and Intervention. 1999. P. 15 – 37.

Отмечается нарастание экономических противоречий между Центром и регионами, объясняемое неэффективностью региональной политики федерального Центра. В связи с повышением транспортных тарифов и из-за «инфраструктурной недостаточности» некоторые территории ДВ оказываются изолированными от других частей страны¹.

В то же время в условиях процветающего эгоизма и близости мировых центров экономики сегодня всякие попытки российского Центра войти в экономику АТР через усиление международных связей «субъектов Федерации» являются одним из факторов развития сепаратистских тенденций на Дальнем Востоке. В свою очередь, это может стать причиной внутрirosсийского конфликта, основой которого явится местная политика обособления Забайкалья и Дальнего Востока от Российской Федерации.

Такой общий вывод можно сделать не только для Дальневосточного региона, но и, с еще большей долей вероятности, для России в целом с ее обширными и необжитыми территориями. Несомненно, что дальнейшее ослабление потенциала и влияния России на Дальнем Востоке может стать главным фактором, дестабилизирующим обстановку в регионе, поскольку давно известно: слабость порождает агрессию.

Развитие регионального самосознания и его политические последствия следует анализировать с помощью политологических методов. Можно выделить большую группу индикаторов (форм и проявлений региональной идентичности), которые свидетельствуют о регионализации общественного сознания населения ДВ России.

1. Деятельность региональных элит и обострение их противоречий с федеральной элитой.

2. Развитие горизонтальных, межрегиональных связей. Характерной особенностью межрегиональных отношений становится развитие межрегиональных связей, которое ведет к формированию устойчивых территориальных общностей. Особыми субъектами регионального политического процесса стали межрегиональные ассоциации. Создание ассоциаций началось в 1990-1991 гг., еще во времена СССР. Крупнейшая ассоциация «Сибирское соглашение» появилась в декабре 1990 г., в январе 1991 г. возникла уральская ассоциация. Большинство ассоциаций было создано в 1991 г. Всего их восемь – «Сибирское соглашение», «Большая Волга», «Центральная Россия», «Северо-Запад», «Черноземье», «Северный Кавказ», «Большой Урал», «Дальний Восток»². Процесс горизонтальной консолидации регионов в будущем может привести к складыванию «надрегиональных» общностей во главе с региональными столицами. Дальше всех в этом направлении могут продвинуться Поволжье, Сибирь, Урал и Дальний Восток.

3. Межрегиональные конфликты. Развитие регионального

¹ С. Переслегин. Самоучитель игры на шахматной доске. – М.: АСТ, 2005. – С. 430.

² Политические процессы в регионах России / Под ред. Р. Ф. Туровского. – М.: ЦПТ, 1998.

самосознания в его «регионалистских» формах часто приводит к межрегиональным конфликтам. Распространенным явлением стала конкуренция крупных соседних центров. На Дальнем Востоке такая конкуренция проявляется по линии «Хабаровск – Владивосток», формируя своеобразные геополитические системы.

4. Внутрорегиональные конфликты и развитие локальной идентичности. Процесс регионализации общественного сознания не останавливается на уровне субъектов Федерации и захватывает отдельные города. В целом популярным становится лозунг «любимого города», который используется во время избирательных кампаний (Владивосток, Уссурийск и др.). Локальный патриотизм все чаще имплементируется для манипуляции местным населением и для заигрывания с институтами федеральной и краевой/областной власти.

5. Функционирование региональных партий. В начале 90-х годов в нескольких регионах возникли политические организации, выступающие с позиций русского автономизма. В частности, имели место попытки эксплуатировать идею Дальневосточной республики. Однако эти партии не пользовались популярностью, и их деятельность быстро прекратилась (пик активности русских регионалистов пришелся на 1990-1993 гг.). В последнее время предпринимаются усилия для создания политических движений регионального уровня. Эти движения располагают гораздо большими ресурсами, нежели мелкие автономистские партии.

6. Разработка имиджа территорий. Все большее внимание уделяется работе над имиджем территорий, задача которой – сделать регион привлекательным для инвесторов. Над этим работают специалисты, территории «раскручиваются» в центральных СМИ, выпускается разного рода рекламная литература, справочные издания, буклеты, компакт-диски и т. д. В рамках этой работы происходит сотворение региональных мифов. Чаще всего применяется технология «самовозвеличивания», когда город объявляет себя столичным центром (Владивосток – столица Дальнего Востока). Отдельным элементом является категория «самобытности».

Безусловно, сама региональная идентичность не может быть оценена однозначно положительно или отрицательно, однако очевидно, что при неэффективности федеральных властей велика вероятность не просто центробежных тенденций, но в перспективе и территориального сепаратизма. Полемика и рассуждения о необходимости развития интеграционных связей, решения проблем ресурсов, выгодного с точки зрения местной элиты товарообмена, территориального размежевания, не учитывают вероятного (при явном несовпадении долгосрочных интересов России и интересов ее дальневосточных соседей) углубления противоречий и возможности возникновения военно-политического конфликта, фактической целью которого будет передел ресурсного поля Сибири и, в конечном счете, отторжение российского Дальнего Востока.

При этом становится весьма вероятной перспектива полного

«самоопределения» утративших связи с Россией удаленных территорий ДВ и последующая их интеграция в экономику АТР на правах как минимум субрегиона в составе РФ, как максимум – относительно самостоятельного государственного образования под международным управлением.

На наш взгляд, следует выделить ряд элементов, способствующих формированию чувства причастности ДВ региона к интеграционным процессам в Тихоокеанском регионе без дистанцирования от России. Они составляют суть тихоокеанской стратегии России. Эти направления призваны создать глубокую взаимозависимость российской и азиатско-тихоокеанской экономик и через эту взаимозависимость обеспечить выгодное место России в АТР. Первостепенное значение здесь имеет создание международной транспортной инфраструктуры и международной топливно-энергетической системы СВА.

1. Прежде всего – это природные ресурсы, которые могут рассматриваться, как гипотетический стартовый потенциал в рамках долговременной проектности. Однако здесь не хватает эффективных управленческих механизмов, налаженных связей и практики долгосрочных отношений с деловыми партнерами по региону. Следовательно, необходимо отойти от эпизодических контрактов к более последовательной региональной политике. Следовательно, необходимо развитие нефтяных и газовых ресурсов российского Дальнего Востока и Сибири и сооружение на пространстве СВА сети нефте- и газоснабжения, а также линий передачи электроэнергии, которые бы стали основой будущей экономической интеграции России в АТР. Здесь предполагается реализация прежних и заключение новых долговременных соглашений России с Японией, Китаем, Южной и Северной Кореей, Монголией, строительство мощных газо- и нефтепроводов из западной и Восточной Сибири, а также с Сахалина в Китай, Японию, на Корейский полуостров. Одновременно предусматривается совместное освоение богатых высококалорийных угольных месторождений в Якутии. В рамках этого же проекта предполагается осуществить и строительство высоковольтной линии электропередачи для переброски электроэнергии с Ангарского энергетического каскада в соседние страны Дальнего Востока. Эти поистине грандиозные проекты, требующие самого тесного взаимодействия на правительственном уровне, нуждаются и в привлечении крупных международных компаний и финансовых институтов. Спонсором этой глобальной по своему содержанию программы могла бы выступить и ООН.

2. Использование «геотранспортного» положения России как естественного моста между Европой и Восточной Азией. При этом ставку целесообразно сделать не только на реконструкцию существующей железнодорожной магистрали, но и на создание новых суперсовременных сверхскоростных железнодорожных и автомобильных путей, соединяющих Дальний Восток России с Калининградской областью и портами Голландии, Германии, стран Балтии. Планы создания международной транспортной инфра-

структуры предусматривают строительство туннелей от Хоккайдо на Сахалин, с Сахалина на материк и далее – модернизацию Транссиба и БАМа. К этой транспортной системе предполагается присоединить железные дороги Северной и Южной Кореи, а также Северо-восток Китая (выход напрямую на Транссиб и БАМ) и Северо-запад Китая (выход из Синьцзяна через Казахстан на Транссиб) и тем самым «замкнуть» транспортное кольцо в Северо-Восточной Азии.

В связи с особой актуальностью этой проблемы ведется разработка федеральной целевой программы России «Развитие международных транспортных коридоров», в рамках которой предполагается сформировать два базовых широкоформатных международных евроазиатских транспортных коридора «Восток – Запад», «Север-Юг», международный транспортный коридор «Северный морской путь», а также ряд других хотя и промежуточных, но важных транспортных направлений. Основным маршрутом между Европой и Азией является широкоформатный транспортный коридор «Восток – Запад». Его становым хребтом служит Транссибирская магистраль. При полной модернизации по Транссибу можно будет перевозить до 1 млн. транзитных контейнеров.

Осуществление этого проекта может стать чрезвычайно выгодным экономическим стимулом развития Сибири, Дальнего Востока и России в целом, а также вдохнет новую жизнь в сотрудничество России с Японией, Китаем, двумя Корейскими государствами. Реализация этого проекта будет и реальной альтернативой (или дополнением) существующим планам проложить «шелковый путь» в обход России.

3. Привлечение иностранной рабочей силы для освоения малонаселенных российских дальневосточных регионов. Главными партнерами России здесь являются Китай, Вьетнам и Северная Корея. Сегодня существует отчасти обоснованная тревога: а не приведет ли наплыв китайских рабочих к «ползучей оккупации» этой части России? Действительно, нелегальная рабочая сила из Китая создает юридические и социальные проблемы. Однако это уже задача для российской дипломатии и для российских властей, отвечающих за соблюдение внутреннего правопорядка. Обсуждение проблем китайской нелегальной иммиграции с китайскими партнерами позволяет говорить о том, что китайская сторона, во-первых, признает наличие проблемы и, во-вторых, готова согласиться с ужесточением российских действий в отношении китайцев, нарушающих российские законы на территории России, поскольку сами китайские власти рассматривают подобные действия своих граждан как противоправные.

4. Извлечение краткосрочных и стратегических выгод от обладания Россией хотя и сокращающимся, но, по азиатским меркам, все еще уважаемым научным потенциалом. Проблема здесь в организации дела. Речь, вероятно, надо вести о создании в России и/или Китае, Южной Кореи технопарков, позволяющих объединить наш научный потенциал с их капиталом и их потребно-

стями в наших знаниях¹.

Региональная идентификация, по сути, может быть как положительной, так и отрицательной с точки зрения эффективности экономического развития региона. Осознание населением собственного экономического и политического статуса неизбежно отражается и в характере хозяйственного развития. Это обстоятельство подчеркивает и М. Портер: «Парадоксальным является то, что устойчивые конкурентные преимущества в условиях мировой экономики часто оказываются в большей степени локальными... Близость в географическом, культурном и организационном плане обеспечивает возможность специального доступа, особые взаимоотношения, лучшую информированность, возникновение мощных стимулов, а также другие преимущества в производительности и в росте производительности, которые сложно получить на расстоянии»². Иными словами, культурная и организационная близость является экономическим ресурсом, фактором конкурентных преимуществ.

В статье не ставились задачи подробного рассмотрения структурных составляющих идентичности дальневосточного региона, в то же время автор акцентирует внимание на том, что региональная идентичность в системе стратегического анализа территории – важный фактор социального и экономического развития и элемент политического управления. Принимая во внимание специфику региональной самоорганизации, возможно использование ее в качестве инструмента политического управления.

¹ Проект аналитического доклада Совета Федерации "Стратегия развития России в АТР в XXI веке". М., 2000. – С. 52 – 56.

² Портер М. Конкуренция. М., 2001. С. 245.